

6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1886.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15764.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 21. Д. 1523.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13294.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18405.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14372.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 1637.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2146.

И. Н. Кузнецов

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННОГО ПЛЕНА И ИНТЕРНИРОВАНИЯ В СССР И БССР (1939–1941)

Накануне Второй мировой войны органы внутренних дел выступали в качестве базовой опоры сталинского режима. НКВД являлся ведомством, сосредоточившим в своих руках беспрецедентный объем административно-политических и социально-экономических функций государства. Беспрекословно выполняя директивные указания партийно-государственного аппарата, органы внутренних дел обеспечивали реализацию важнейших направлений политики сталинского руководства.

Под военным пленом понимается обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государством лиц неприятельской стороны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения участия в вооруженной борьбе [1, с. 318].

Режим военного плена накануне Второй мировой войны регулировался Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенцией о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. Право брать в плен, согласно конвенциям, принадлежало исключительно государству в лице его военных органов. Состояние военного плена ограничивалось периодом с момента захвата в плен до момента заключения мира между воюющими сторонами. Военнопленными считались захваченные во время войны лица, входившие в состав вооруженных сил и непосредственно участвовавшие в военных действиях (так называемые комбатанты). Согласно советскому законодательству, статус военнопленных получали, во-первых, лица, принадлежавшие к вооруженным силам противника; во-вторых, лица, имевшие гражданство воюющего с СССР государства, находившиеся к началу войны на территории СССР [2, с. 66, 1012]. Важно подчеркнуть, что статус военнопленных не распространялся на лиц, которые воевали на стороне противника и имели советское гражданство.

Под интернированием (от фр. *interner* ‘водворять на жительство’) понимается принудительное задержание, переселение или иное ограничение свободы, устанавливаемое одной воюющей стороной для находящихся на ее

территории граждан другой воюющей стороны или для граждан другой воюющей стороны, находящихся на оккупированной первой воюющей стороной территории, или нейтральным государством – для военнослужащих воюющих сторон, оказавшихся на его территории [1, с. 406].

В период Второй мировой войны Советским Союзом практиковалось интернирование как иностранных военнослужащих, так и гражданского населения противника. Оно осуществлялось не только на собственной территории, но и за ее пределами, т.е. по территориальному принципу. В последнем случае интернирование носило характер принудительного выселения по национальному признаку и по своему механизму было аналогично этническим депортациям, широко практиковавшимся сталинским режимом. Основную массу интернированных составляли гражданские лица, задержанные и период боевых действий на территории других государств и принудительно вывезенные на территорию Советского Союза.

Создание в системе НКВД структуры, отвечающей за содержание военнопленных, было вызвано началом Второй мировой войны. 1 сентября 1939 г. германские войска вторглись в Польшу. Воспользовавшись успешным продвижением немецкой армии по территории польского государства, части Красной армии под предлогом оказания «братской помощи» белорусскому и украинскому населению 17 сентября 1939 г. пересекли советско-польскую границу и развернули боевые действия. За 12 дней наступления советские войска пленили более 254,5 тыс. польских военнослужащих, в том числе 240 тыс. рядовых, 8,5 тыс. офицеров и 6 тыс. полицейских. Половина пленных после проверки была сразу же освобождена, другая (125,4 тыс.) передана в распоряжение НКВД [3, с. 37–38].

К 20 сентября 1939 г. на территории Белорусского и Киевского военных округов были развернуты 8 приемных пунктов для военнопленных, которые располагались в Житковичах, Столбцах, Тимковичах, Ореховно, Радошковичах, Ярмолинцах, Каменец-Подольском, Шепетовке, Волочиске и Олевске, а также два лагеря-распределителя в Козельске (БССР) и Путивле (УССР). К 1 октября приемные пункты приняли 99 149 чел., из которых 77 675 были направлены в лагеря-распределители [3, с. 48–50].

Наряду с формированием фронтовой сети происходило становление органов управления и тыловых учреждений военного плена. 19 сентября 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 0308 «Об организации лагерей для военнопленных». Согласно ему, в структуре НКВД СССР организовывалось Управление по военнопленным (УПВ), начальником которого назначался майор П. К. Сопруненко, ранее работавший в секретариате НКВД, комиссаром – полковой комиссар С. В. Нехорошев, переведенный из ГУЛАГа. В Положении «Об Управлении по делам военнопленных при НКВД СССР» отмечалось, что образуемый орган осуществляет руководство приемом, учетом, размещением, содержанием и трудовым использованием военнопленных, а также политической и культурно-просветительской работой.

Штат УПВ насчитывал 56 должностей: начальника, трех заместителей, секретариат из 12 человек, политотдел из 8 человек, 1-й отдел (режима) из 8 человек, 2-й отдел (учетно-регистрационный) из 10 человек, 3-й отдел (снабжения) из 8 человек, 4-й отдел (санитарный) из 6 человек. По сравнению с ГУЛАГом, руководящий аппарат которого включал 30 управлений, отделов и прочих подразделений со штатом 1 562 сотрудника, УПВ занимало скромное положение в ведомственной иерархии [4, с. 120].

Деятельность УПВ координировалась с другими подразделениями НКВД. К примеру, охрана лагерей осуществлялась в тесном взаимодействии с Главным управлением конвойных войск (ГУКВ), оперативно-разведывательная работа – с Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ). Курировал работу УПВ заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев, одновременно возглавлявший Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР. Через ГУЛАГ осуществлялось продовольственное, вещевое и медико-санитарное снабжение лагерей для военнопленных.

В подчинении УПВ находились 8 лагерей, в том числе Осташковский (на 10 тыс. чел.), Юхновский (на 10 тыс.), Козельский (на 10 тыс.), Путивльский (на 10 тыс.), Козельский (на 10 тыс.), Старобельский (на 8 тыс.), Южский (на 6 тыс.), Оранский (на 4 тыс.). Позднее их число дополнили Грязовецкий и Вологодский (Заоникеевский) лагеря. Как правило, лагеря создавались на базе колоний и санаториев, располагавшихся в бывших монастырских постройках [5, с. 70–73].

В каждом лагере формировались канцелярия, особое, политическое, учетно-распределительное, финансовое, хозяйственное, санитарное отделения, вахтерская, обозная и пожарная команды. Подбор кадров, за исключением руководящего состава, возлагался на территориальные органы НКВД-УНКВД. На работу принимались в первую очередь члены и кандидаты ВКП(б), члены ВЛКСМ, а также лица из числа беспартийных, прошедшие спецпроверку и получившие соответствующую рекомендацию. Руководящий аппарат комплектовался преимущественно из сотрудников госбезопасности. Заработная плата сотрудников лагерей военнопленных и лагерей ГУЛАГа была аналогичной.

3 октября 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия и начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис представили на рассмотрение И. В. Сталина докладную записку по вопросу содержания польских военнопленных [5, с. 114–118]. На ее основании Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: во-первых, об освобождении из плена и роспуске по домам солдат-уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии; во-вторых, о сосредоточении генералов и офицеров в Старобельском лагере (Ворошиловоградская обл.); разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских – в Осташковском (Калининская обл.); солдат-уроженцев немецкой части Польши – в Козельском (Смоленская обл.) и Путивльском (Сумская обл.); в-третьих, о выделении 25 тыс. военнопленных на строительство дороги Новоград-Волынский–Львов [5, с. 120–121].

Упомянутым решением, а также принятыми в процессе его реализации приказами и директивами НКВД закладывались основы лагерной системы для военнопленных. Речь шла о создании трех типов лагерей: для офицерского состава; для сотрудников разведывательных и карательных органов; для рядового состава. Для офицеров и генералов выделялись комфортабельные помещения с отдельными койками и постельными принадлежностями, организовывалось улучшенное питание и культурное обслуживание. Для сотрудников разведывательных и карательных органов вводился строгий режим содержания и усиленное агентурно-оперативное наблюдение. Лагеря для рядового состава размещались на базе предприятий и строителей, нуждавшихся в массовой рабочей силе.

В конце февраля–начале марта 1940 г. руководство НКВД СССР берет курс на кардинальное решение проблемы польских военнопленных. 5 марта 1940 г. Л. П. Берия представил И. В. Сталину докладную записку с предложением рассмотреть в особом порядке дела на польских офицеров, жандармов и полицейских, содержащихся в лагерях НКВД (14,7 тыс. чел.), а также заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии (11 тыс. чел.) с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Мотивировочная часть заключалась в утверждении, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю» [5, с. 384–390].

В этот же день на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об утверждении предложений Л. П. Берии. Рассмотрение дел осуществляла «тройка» в составе первого заместителя наркома внутренних дел В. Н. Меркулова, начальника Главного экономического управления НКВД Б. З. Кобулова и начальника 1-го спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштакова.

Организация и ход расстрельной акции подробно описаны в научной литературе. В расстрельные списки было включено 97 % узников Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей. Из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД Смоленской области для расстрела отбыли 4 404 человек, из Осташковского лагеря в УНКВД Калининской области – 6 287 человек, из Старобельского лагеря в УНКВД Харьковской области – 3 896 человек [5, с. 601].

6 июля 1940 г. Л. П. Берия подписал приказ № 00806 «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных». В соответствии с ним отправке в СССР подлежали 4 767 интернированных поляков. Офицеров, полицейских и гражданских чиновников (2 187 чел.) предписывалось разместить в Козельском лагере, унтер-офицеров и рядовых (2 580 чел.) – в Юхновском [6, с. 219–221].

С 11 по 14 июля перегрузочный пункт на ст. Молодечно принял 4 376 человек: 2 353 офицеров и полицейских отбыли в Козельский лагерь, 2 023 человек рядовых и унтер-офицеров – в Юхновский. В августе 1940 г.

аналогичная операция по интернированию польских военнослужащих была проведена на территории Латвии. С 23 августа по 2 сентября 811 поляков были направлены в Козельский и Юхновский лагеря [3, с. 254].

В июле 1940 г. УПВ было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР).

На 22 июля 1940 г. в лагерях содержались 32 958 военнопленных и интернированных, в том числе: в Грязовецком – 394, Козельском – 2 353, Ровенском – 14 599, Северном железнодорожном – 7 884, Суздальском – 607 (чехи), Южском – 5 098 (красноармейцы, проходившие спецпроверку), Юхновском – 2 023. Оставались в резерве Козельский, Оранский, Осташковский, Путивльский, Старобельский и Темниковский лагеря. Таким образом, в июле 1940 г. из 13 лагерей УПВИ 7 являлись действующими, 6 – резервными [6, с. 231–232].

В марте 1941 г. П. К. Сопруненко предложил Л. П. Берии оформить дела на польских полицейских и жандармов для рассмотрения на Особом совещании НКВД. Однако нарком отдал распоряжение о направлении интернированных, сосредоточенных в Козельском и Осташковском лагерях, на строительство военного аэродрома «Поной» и Мурманской области [4, с. 129].

В сентябре 1939 – июне 1941 гг. в СССР закладываются организационно-структурные основы системы плена и интернирования. В нее входили фронтные учреждения, представленные приемными пунктами и лагерями-распределителями, и тыловые учреждения, представленные специальными и трудовыми лагерями. Руководство ими осуществляло УПВ-УПВИ НКВД. Одновременно отрабатывается механизм приема, содержания и трудового использования военнопленных и интернированных, совершенствуется соответствующая нормативная база.

На формирование системы плена и интернирования непосредственное влияние оказала внешняя политика сталинского руководства, направленная на включение в состав СССР новых территорий: восточных областей Польского государства, прибалтийских государств, части территории Финляндии (Карельского перешейка). Иностранцы военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, захваченные на оккупированных территориях, принудительно водворялись в лагеря УПВ-УПВИ.

В организационном плане система содержания военнопленных и интернированных во многом копировала систему ГУЛАГа. Внешний облик и инфраструктура лагерей УПВ-УПВИ напоминали советские пенитенциарные учреждения. При формировании лагерей военнопленных практическую помощь оказывали сотрудники ГУЛАГа, а общий контроль осуществлял его начальник В. В. Чернышев. О том, что лагеря военнопленных и интернированных являлись составным элементом репрессивного аппарата советского государства, свидетельствует расстрел 15-тысячного контингента Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей в апреле–мае 1940 года. Репрессивная природа советского плена и интернирования также проявлялась в прину-

дительном привлечении «узников войны» к труду на промышленных предприятиях, транспортных и военных объектах, нередко в неблагоприятных климатических условиях.

Массовые расстрелы заключенных, осуществлявшиеся во внесудебном порядке НКВД и НКГБ в прифронтовой полосе в условиях приближающихся войск противника в 1941 г. после начала Второй мировой войны, в официальных документах НКВД именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории» и преимущественно проводились в тюрьмах, но известны многочисленные случаи, когда они происходили при конвоировании задержанных и подозреваемых по «контрреволюционным» статьям. Массово подобная практика применялась в ряде западных областей УССР, в Белорусской ССР и в Прибалтийских советских республиках, которые были быстро заняты немецкими войсками, а также в РСФСР и Карело-Финской ССР во время прорывов немецких войск.

Одна из самых мрачных страниц эвакуации тюрем западных областей – незаконные расстрелы заключенных. Нигде в документах цель этих расстрелов явно не сформулирована. Видимо, фактически она состояла прежде всего в том, чтобы не оставить противнику живых свидетелей преступлений НКВД и советского режима как в довоенное время, так и в дни войны.

Для того, чтобы оценить масштабы трагедии, необходимо привести данные о количестве тюрем и исправительно-трудовых колоний НКВД БССР [7, с. 167–170, 175–176] (таблица).

Тюрьмы и исправительно-трудовые колонии НКВД БССР (июнь 1941 г.)

Тип тюрем и исправительно-трудовых колоний	Общее количество	Физически содержалось заключенных
Следственные и срочные тюрьмы	33	26 237
Исправительно-трудовые колонии. Из них	24	77 380
• сельскохозяйственные	3	6 250
• промышленные	7	19 580
• особого строительства	14	48 950
• трудовые колонии для несовершеннолетних	4	2 600

Так или иначе, к началу Великой Отечественной войны СССР имел опыт содержания военнопленных и интернированных. На территории СССР была сформирована система органов и учреждений военного плена и интернирования, которая развивалась и совершенствовалась на протяжении последующих военных лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный энциклопедический словарь / ред. кол. : А. П. Горкин, В. А. Золотарев [и др.]. – М. : Большая Росс. энцикл., 2002.
2. Военнопленные в СССР, 1939–1956: документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. – М. : Логос, 2000.
3. *Лебедева, Н. С.* Катынь: преступление против человечества / Н. С. Лебедева. – М. : Прогресс, 1994.
4. *Кузьминых, А. Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы) / А. Л. Кузьминых. – Вологда : Древности Севера, 2016.
5. Катынь: пленники необъявленной войны: док. и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. – М. : Демократия, 1999.
6. Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: док. / отв. сост. Н. С. Лебедева. – М. : Весь мир, 2001.
7. *Шарков, А. В.* Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010.

Д. Пантьо

МУЗЕЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГДАНСКЕ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ПАМЯТИ

В сегодняшнем мире и современной исторической науке все чаще говорится о местах сохранения памяти. Таких «точек» на карте любой страны множество: места исторических битв, мемориальные комплексы, мартирологические центры, а также музеи, в которых историческая память не только сохраняется, но и исследуется. Автору посчастливилось работать в музее, о котором он желает рассказать.

Музей Второй мировой войны в Гданьске был основан 26 ноября 2008 г. Директором музея назначили профессора Павла Махцевича. Местом для размещения будущего музея был выбран город Гданьск, именно тут начался самый кровопролитный конфликт человечества. Миссия заключается в создании современного музея, где представят историю войны как величайшую катастрофу XX века. Задача создания такого объекта культуры до сих пор актуальна, так как, несмотря на то, что прошло уже более 75 лет с момента начала Второй мировой войны, в Европе до сих пор нет ни одного музея, который бы показывал целостно ход и характер конфликта.

Одна из главных целей музея – показать историю человеческих судеб во время Второй мировой войны. Большинство музеев, посвященных тематике данной войны, сосредоточивают свое внимание на истории военных действий либо на истории военной техники. Для нас же важным является подчеркивание трагедии человечества через историю человеческих судеб [1, S. 46].